

Трефолев Леонид Николаевич

Кто убил?

Повесть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л47

Л47 **Леонид Николаевич Т.**
Кто убил?: Повесть / Трефолев Леонид Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2026. – 425 с.

ISBN 978-5-519-77418-5

ISBN 978-5-519-77418-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

наши бѣдныя балалайки, и кто услышитъ ихъ жалобное, сиротское треньканье?—Это между прочимъ. Къ слову пришлось. А въ сущности мнѣ желательно было только засвидѣтельствовать, что мы любимъ свою трущобу, изъ которой, повторяю, хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь.

Цитируя Гоголя, я надѣюсь значительно выиграть въ вашемъ мнѣніи. Значитъ, что и я—маленькій земець—учился кое-чему, знаю кое-что, опричь ухабистыхъ земскихъ дорогъ и такихъ-же разухабистыхъ повивальныхъ бабокъ и скромныхъ учительницъ. Не въ похвалу себѣ, а единственно ради истины, торжественно заявляю, что школы у насъ въ уѣздѣ очень порядочныя. Дорожки маленько подгуляли, но мы ихъ устроимъ, непременно устроимъ. Больничная часть также совершенствуется, благодаря одному изъ дѣйствующихъ лицъ настоящей исторіи.

Я разумѣю почтеннѣйшаго Касьяна Августовича Зильбергроша. Мы познакомились съ нимъ случайно или, вѣрнѣе сказать, таинственнымъ образомъ.

Вдумайтесь, пожалуйста, въ мой рассказъ и потомъ рѣшите сами: была-ли здѣсь случайность или нѣчто сверхъестественное.

Земское собраніе въ очередную сессію 188*** года постановило: «Учредить въ селѣ Красномъ медицинскій пунктъ, при готовой квартирѣ для врача. Жалованье — 1.200 руб. въ годъ. Разъѣзды — на счетъ земства».

Селъ съ упомянутымъ выше названіемъ вездѣ очень много, а потому сія географическая подробность, надѣюсь, не раскроетъ инкогнито моего земства.

Сдѣлавъ постановленіе о медицинскомъ пунктѣ въ селѣ Красномъ, мы (т. е. земская управа) призадумались: найдется-ли врачъ, который рѣшится ѣхать въ захолустный уѣздъ на мизерное жалованье? Однако я тиснулъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе. Чѣмъ чортъ не шутить? Авось найдется какой-нибудь заурядный лѣкарекъ? Милости просимъ, помогайте страждущему человечеству!

Какъ теперь помню, было 28 февраля. Кажется, весна близко. Гдѣ-нибудь, въ Ниццѣ, въ Неаполѣ — совсѣмъ весна. Фіалки цвѣтутъ. А у насъ фіалковымъ корнемъ пахнетъ развѣ только изъ устъ секретаря земской управы, да и то не всегда. Стоялъ порядочный морозецъ. Я грѣлся на лежанкѣ, ибо до каминовъ и прочихъ роскошей мы еще не доросли, да они намъ и не по карману. Мы люди старозавѣтные: у насъ и часы съ кукушкой. Выскочила она и прокуковала 11 разъ. Поздно. Время успо-

коитья отъ праведныхъ земскихъ трудовъ. И я велѣлъ моей экономкѣ Агафѣ Терентьевнѣ накрывагъ на столъ. Твердо соблюдая мѣстные патріархальные обычаи, я всегда ужинаю и выпиваю, на сонъ грядущій, рюмочку. На сей разъ, не взирая на ворчаніе Агафьи Терентьевны, я «прошелся» и по второй, ради аппетита.

(Сообщу, въ скобкахъ, еще автобіографическую подробность, необходимую для ясности моего правдиваго и безыскусственного разсказа.—Я старый холостякъ. Мнѣ, какъ вы уже знаете, 48 лѣтъ, а Агафѣ Терентьевнѣ—30, развѣ съ небольшимъ, съ самымъ маленькимъ хвостикомъ. Ну, 32—34 года. Она дѣвица, дочь дьякона или попа, право, хорошенько не знаю. Мы давно знакомы. Вотъ и все. «Можно закрыть скобки!» какъ говорилъ мой учитель русской грамматики. Я такъ и дѣлаю: закрываю скобки).

Итакъ, кукушка на старыхъ часахъ прокуковала 11 разъ. Предо мной стояли вкусныя щи—мясныя, ибо я большой грѣхъводникъ, постовъ строго не соблюдаю, а въ то время былъ постъ, да еще не простой, а великій. Воспользовавшись отсутствіемъ Агафьи Терентьевны, которая, какъ особа въ нѣкоторомъ родѣ «духовная», скромнаго не употребляла, я торопливо прошелся «по третьей»,—опять-таки ради аппети-

та. *Parole d'honneur*, до «бѣлыхъ словъ и зеленого змія» я не упиваюсь...

Вдругъ что есть мочи брякнулъ звонокъ. Агафья Терентьевна заворчала въ сосѣдней комнатѣ.—«Кого въ такую пору чортъ несетъ?»

Снова звонокъ... И моя почтенная экономка, не желая будить нашу старушку кухарку, сама поспѣшила отпереть дверь.

II.

Предо мной явились два «существа»— не таинственные, какъ, быть можетъ, полагаетъ читатель, судя по началу моего разсказа. Нѣтъ, существа самыя обыкновенныя, мужчина и женщина, оба покрытыя хлопьями снѣга. Впереди, бойко семеня ножками, смѣло выступалъ низенькій, плѣшивенькій блондинъ съ огромной рыжей бородой, вовсе несоотвѣтствовавшей его маленькой фигуркѣ. За нимъ неподвижно смотрѣла на меня красивая брюнетка. Черезъ нѣсколько мгновеній она опустилась на стулъ, не выждавъ даже моего любезнаго приглашенія—садиться.

(Опять въ скобкахъ: я, вообще, любезенъ съ хорошенькими. Иначе нельзя. Во мнѣ чувствуется старая гвардейская закваска, ибо, прежде чѣмъ сдѣлаться земцемъ, я имѣлъ честь служить въ русской гвардіи и, не хвастаясь, скажу,

что одерживалъ маленькія викторіи... надъ прекраснымъ поломъ. Есть нѣкоторые основанія полагать, что симъ викторіямъ не мало содѣйствовала моя роскошная черная борода и таковыя-же усы. Первая изъ нихъ надѣлала мнѣ много бѣдъ; но я, кажется, нѣсколько забѣгаю впередъ... Вторично рекомендую: Ома Омичъ Обнорскій, капитанъ въ отставку, потомокъ древняго, но обѣдѣвшаго рода.—Скобки закрываются).

— Вы предсѣдатель здѣшней земской управы? спросилъ меня вертлявый господинъ.

— Да-съ. Съ кѣмъ имѣю честь и удовольствіе говорить?—отвѣчалъ я, мигнувъ Агафѣ Терентьевнѣ, чтобы она помогла ему снять шубу.

— Рекомендуюсь,—засмѣялся владѣлецъ рыжей бороды, когда шуба была снята:—вашъ новый земскій врачъ Касьянъ Августовичъ Зильбергрошъ. Приѣхалъ только сію минуту въ здѣшнюю Гиперборею, вкупѣ съ сестренкой, которую вы имѣете удовольствіе лицезрѣть. Рекомендую: Надежда Августовна Зильбергрошъ, дѣвица-духовидица, если угодно знать. Тоже отпрыскъ знаменитаго рода Зильбергрошей. Мы по фамиліи какъ будто и нѣмцы, но по религіи-съ, смѣю васъ увѣрить, православные съ головы до самыхъ пятъ. Не обливанцы

какіе-нибудь, русскими попами крещены съ...

Вся эта рѣчь была сказана быстро, съ усмѣшечками. Моя почтенная экономка Агафья Терентьевна, дѣвица благонравная, придя въ крайнее изумленіе, обратилась въ любопытную женщину—въ супругу патріарха Лота. Я тоже походилъ больше на каменный столбъ, чѣмъ на предсѣдателя земской управы.

— Надя, ты озябла. Выпей, сестренка, спиртуознаго. Это здорово... Что за дьявольская погода! И выюга, и холодъ... А вѣдь завтра—первое марта... Рябиновка, кажется? Вещь зѣло вкусная, въ геморoidalномъ отношеніи даже благотѣльная...

Такъ говорилъ безцеремонный нѣмчикъ, и къ моему удивленію, а также къ ужасу Агафьи Терентьевны, выпилъ сразу двѣ рюмки рябиновки.

Не утаю, что такое вольнодумное поведеніе господина Зильберггроша поставило насъ въ тупикъ. Сами разсудите, господа. Во-первыхъ, челоувѣкъ незнакомый вторгается ночью въ домъ предсѣдателя земской управы. Во-вторыхъ, сей-же незнакомецъ самоувѣренно, съ крайней наглостью увѣряетъ, что онъ «нашъ» земскій врачъ. Между тѣмъ мы (то-есть земская управа) только приглашали чрезъ газеты врача въ красносельскій медицинскій пунктъ, но все не думали утверждать въ этой долж-

ности перваго явившагося къ намъ господина, который къ тому-же не представилъ заблаговременно надлежащихъ документовъ о своемъ медицинскомъ образованіи. Наконецъ, въ-третьихъ, какая дерзость, какая нигилистическая безцеремонность съ рябиновкой!

Всѣ эти обстоятельства заставили меня очень холодно и сухо замѣтить господину Зильбергрошу, что, конечно, я радъ познакомиться съ нимъ во всякое время, даже въ полночь; но, къ сожалѣнію, вопросъ о поступленіи его на земскую службу будетъ зависѣть отъ рѣшенія управы, а таковое рѣшеніе «за» или «противъ» можетъ состояться только днемъ, въ присутственное время, а не теперь.

Разумѣется, я сдѣлалъ удареніе на словахъ: «даже въ полночь», давая замѣтить, что земскіе врачи не должны представляться господамъ предсѣдателямъ земскихъ управъ въ неурочное время, въ тѣ часы, когда черти начинаютъ въ кулачки биться. Субординація много значить въ земскомъ дѣлѣ, милостивые государи и государины. Откровенно говоря, я—либераль. Мой либерализмъ даже выходитъ иногда за предѣлы благоразумія и приноситъ мнѣ маленькія непріятности. Такъ, напримѣръ, нашъ уѣздный шефъ страшно морщится на засѣданіяхъ училищнаго совѣта, если я привѣтствую рукопожатіемъ учителя

земской школы. Въ глазахъ шефа это чутьли не преступленіе, и онъ французить сквозь зубы: «Je prends cela du mauvais côté...» А я думаю: «Принимайте, какъ вамъ угодно, ваше ваше-ство, а меня отъ этого не убудеть, и въ моей черной бородѣ ни одного сѣдого волоска не вырастетъ отъ вашего замѣчанія!» Наконецъ, даже съ англійской точки зрѣнія, мой домъ есть неприкосновенная святыня, и вторгаться туда, въ эту святыню, ночью не слѣдуетъ... А вотъ онъ—какой-то Зильбергрошъ—вторгся и безъ хозяйскаго приглашенія распорядился наливкой... «Il a la tête dure!» подумалъ я.

Въ отвѣтъ на мои слова и думу, Зильбергрошъ громко расхохотался.

— Рябиновка славная! воскликнулъ онъ, поглощая третью рюмку.—Вы со-оружаете оную? Надѣюсь, что вы, милостивая государыня. А если моя догадка вѣрна, то умиляюсь предъ вашимъ искусствомъ, умиляюсь, благоговѣю и... облизываюсь отъ удовольствія.

Послѣднія слова были адресованы къ Агафѣ Терентьевнѣ, разѣвшей ротъ отъ удивленія. И прежде чѣмъ она отвѣтила на вопросъ, безцеремонный рыжебородый господинъ сѣлъ за столъ, на которомъ еще дымились щи, попробовалъ ихъ, перекрестясь, нашелъ очень вкусными и возгласилъ буквально такъ:

— Сударыня! Еще-бы сюда пару ло-

жечекъ да двѣ тарелочки... Милости просимъ—хлѣба-соли откусать. Не побрезгуйте! Щи—просто мое почтеніе, великолѣбны...

Агафья Терентьевна не то засмѣялась, не то зарычала, какъ африканскій левъ. Да и какъ не зарычать! Ея кулинарное искусство, въ которомъ наша старая кухарка помогала ей очень мало, было одобрено; однако, вы уважите и справедливое негодованіе моей экономки на безцеремонность непрошеннаго гостя. Что касается меня, я рѣшился накормить будущаго земскаго врача и его «сестренку». Я разсмотрѣлъ ее, хотя украдкой отъ Агафьи Терентьевны, и пришелъ къ слѣдующему заключенію:

Охъ! Еслибъ мнѣ было не 48 лѣтъ, еслибъ я служилъ не въ захолустномъ городишкѣ, а, попрежнему, въ гвардіи, еслибъ у меня не было цербера (предоставляю вамъ рѣшить, кого я разумѣю подъ этимъ именемъ—двунсгое-ли созданіе женскаго пола или моего двороваго чрезвычайно добродушнаго пса),—охъ, восклицаю снова, еслибъ не всѣ эти сложные обстоятельства, съ какимъ удовольствіемъ преклонился-бы я предъ дѣвицей Зильберггрошъ! Она была очаровательна и нисколько не похожа на своего брата. Отъ Агафьи Терентьевны всегда пахло то ладаномъ и деревяннымъ масломъ, вслѣдствіе религіознаго настроенія ея чувствъ и духовнаго ея произ-

хожденія, то—редиской или морковью. Тутъ же я ощущалъ какой то дѣвствен- ный, чистый аромать. Думается, что это былъ аромать той милой ручки, кото- рая согласилась на мою просьбу—под- вести ее къ столу.

— Вы, сударыня, озябли? спросилъ я красивую дѣвушку—угодно чаю?

— Немного!—отвѣчала она, садясь за столъ:—благодарю васъ.

— Вреть, жестоко вреть! Въ такую дьявольскую погоду нельзя не озябнуть! воскликнулъ Зильбергрошъ. Мысль о стаканѣ чая приводитъ меня въ востор- женное состояніе. Соболаговолите, суда- рыня, распорядиться на счетъ китайска- го напитка! А если, паче чаянія, най- дется у васъ, госпожа экономка,—по всему видно, что вы занимаете сію важ- ную должность,—если, повторяю, у васъ обрящется напитокъ, называемый ямай- скимъ ромомъ, тогда... тогда вы будете прелестной Гебой.

— Распорядитесь, Агафья Терентьев- на,—попросилъ я экономку, все болѣе и болѣе смущаясь моимъ страннымъ двой- ственнымъ положеніемъ—хозяина и въ то-же время гостя:—да прибавьте два столовыхъ прибора и еще... если есть... что-нибудь поужинать. Пожалуйста, не въ службу, а въ дружбу.

— Найдется! лаконически отвѣчала Агафья Терентьевна и удалилась, бросивъ на эскулапа и его сестру, особенно на